

"Они никогда не примут нас, — отчетливо осознал Гоудань, вспоминая строки из тех двух книг, случайно затесавшихся среди его вещей. — Мир признает лишь союзы между мужчинами и женщинами. Любые другие чувства здесь считают дикостью, обрекающей на травлю и презрение"

Он не желал расставаться с Ван Сюанем. Верил, что и А-Сюань чувствует то же самое. Но позволить кому-то прознать об их связи? Нет, об этом не могло быть и речи.

"Мы слишком слабы, — думал он с глухой тревогой. — Если даже такой человек, как Билл — успешный, обеспеченный, уважаемый в обществе, — не выдержал косых взглядов и покончил с собой, то что станет с нами?"

Они ведь пока были всего лишь студентами, за душой у которых не водилось ни гроша.

Вдобавок ко всему вмешался наставник Ван Сюаня, настоявший на дополнительных занятиях, так что на летние каникулы им всё равно пришлось бы расстаться. Да и Гоуданю в любом случае нужно было съездить в родную деревню. Отец остался совсем один, его обязательно следовало навестить. К тому же Ли Сы планировал начать строительство нового дома, а значит, требовалось собрать рабочих и закупить материалы. Не будь этих забот, Гоудань с радостью остался бы на всё лето в столице или хвостиком ходил бы за своим А-Сюанем.

Торговля в лавках шла бойко. На севере стремительно теплело, пришло время менять ассортимент одежды на летний. Чтобы удержать лидерство и сохранить высокую выручку, их магазину требовалось первым завезти самые модные новинки. В магазине бытовой техники ажиотаж немного спал по сравнению с предновогодней суматохой, но дела всё равно шли неплохо. Недавно открытая лавка дорогих снадобий и тонизирующих средств постепенно обзаводилась постоянными покупателями, а перебои с поставками редких товаров наконец удалось устранить.

Все оставшиеся силы Гоудань отдавал учебе, стараясь прочувствовать все прелести студенческой жизни. Он нацелился на отличные оценки за семестровые экзамены, чтобы побороться за стипендию. Хорошая успеваемость гарантировала достойное распределение после выпуска; в крайнем случае он надеялся зацепиться хотя бы в уездном центре, лишь бы не отправили обратно в глухую волость.

В те годы в университет шли ради одного — получить распределение в солидное государственное учреждение. Это обеспечивало безбедную жизнь до старости, становясь той самой «железной чашкой риса», которую ни разбить, ни отобрать. И хотя Гоудань благодаря своему делу зарабатывал огромные деньги, он предпочитал не выделяться и плыть по течению, а потому к учебе относился со всей серьезностью.

Когда припекло по-настоящему, ватники сменились легкими рубашками — сначала с длинным рукавом, а затем и с коротким. Шел тысяча девятьсот восемьдесят шестой год, и повальное увлечение брюками-клёш разгорелось с еще большей силой. Теперь у каждого уважающего себя парня или девушки в шкафу висела заветная пара штанов. Местные пижоны, мнившие

себя законодателями моды, щеголяли по улицам, гордо выметая мостовую широченными, похожими на веники штанинами.

Вдобавок в лексиконе столичных жителей появилось новое манящее слово — дискотека.

Разумеется, старшее поколение восприняло новшество в штыки, но молодежь, ведомая жаждой развлечений, тщеславием и тягой ко всему неизведанному, валила туда толпами. Гоудань из любопытства сходил пару раз за компанию, но быстро разочаровался: грохочущая музыка утомляла, а контингент там собирался самый сомнительный. Пронырливые типы то и дело пользовались полумраком и теснотой толпы, чтобы лапать девчонок. А когда на его глазах две подвыпившие компании чуть не устроили массовое побоище, Гоудань и вовсе потерял к подобным заведениям всякий интерес.

— Больше туда ни ногой, по крайней мере один, — хмуро бросил Гоудань, когда Ван Сюань принялся увлеченно рассказывать, как его однокурсники ходили на дискотеку. — Там слишком опасно. Это не просто танцы и новые знакомства, там крутятся мутные личности. Если приспичит сходить еще раз — дождись меня, но за компанию с однокашниками туда не суйся.

— Да я и сам после первого раза пресытился, — улыбнулся А-Сюань. — Просто наши девчонки из группы так умоляли пойти с ними! Им ведь тоже любопытно, а одним страшно, вот и позвали нас для храбрости.

— Подумаешь, толпа народу, разноцветные лампочки и больше ничего, — пожал плечами Гоудань. — Если вам так хочется потанцевать под брейк-данс или что-то современное, скажи мне. Я попрошу Сяо Цяня привезти записи из Гонконга — там все новинки появляются гораздо быстрее. Купим кассеты, магнитофон у вас есть. Зачем куда-то идти, если у вас в общежитии есть отличный репетиционный зал? Ну, та пустая аудитория, где ты в прошлый раз разучивал движения.

— Туда теперь никто не ходит, — покачал головой Ван Сюань. — Пошел слух, будто в те смутные годы там покойников складывали — ну, вроде временного морга. Потом комната долго пустовала, а когда институт снова открыли, её приспособили под зал для самодеятельности. Теперь шепчутся, будто по вечерам там слышны приглушенные рыдания, какие-то стоны, тени странные по углам мелькают... Обернешься на шаги — а сзади никого. В общем, все перепугались, обходят это место стороной.

— Сказки какие-то... — пробормотал Гоудань, хотя по спине невольно пробежал холодок. — Хотя, признаться, когда мы там были, мне и самому показалось, что из углов веет могильным холодом. Но ведь это обычный учебный корпус, откуда там моргу взяться?

— Разумеется, чушь, — подтвердил А-Сюань. — Обычные сплетни. Во время Культурной революции творился жуткий хаос. Говорят, кого-то из преподавателей забили на собрании до смерти и тело до похорон оставили в той камерке, да еще обезумевшие студенты держали там запертыми «классовых врагов». Но никакой это не морг. С чего бы в педагогическом институте взяться анатомическому залу? Мы же не медики. К тому же глупо нам, с нашей

специальностью, бояться покойников. Тот, кто падает в обморок при виде крови или трупа, у нас долго не задерживается — сразу переводится на другой факультет. Так что всё это глупые выдумки.

— И всё-таки, — Гоудань строго посмотрел на друга, — держись от этого класса подальше. Дыма без огня не бывает.

Ван Сюань прыснул и так покатился со смеху, что едва не согнулся пополам:

— Совсем забыл! Ты же у нас до смерти боишься призраков! Ха-ха-ха!

Гоудань промолчал, лишь губы сжал. Кожа покрылась пупырышками от одного только воспоминания о той злополучной комнате. Внутри всё сжалось от подступившего озноба, так что спорить с развеселившимся А-Сюанем он не стал.

Так разговор о столичных развлечениях незаметно свернул на тему городских легенд.

Наконец наступило долгожданное лето. Первый курс остался позади, а впереди маячили почти два месяца свободы, которую большинство студентов собирались беззаботно растратить. Пока соседи по общежитию шумно спорили, где лучше провести каникулы — отъездиться на домашних харчах или отправиться в путешествие, — у Гоуданя, Ван Сюаня и Чэн Шу свободного времени не предвиделось вовсе. Их дела требовали неусыпного контроля. Гоудань расписал каждый день каникул буквально по минутам.

Уладив самые спешные коммерческие вопросы, Гоудань собрал нехитрый скарб и под напутственные вздохи Су Хэвэна и тоскливый взгляд Ван Сюаня сел на поезд до родных мест. С того самого дня, как А-Сюань переступил порог его дома, они стали неразлучны. Друзья делили все радости и невзгоды, практически никогда не расставаясь надолго. Где был один, там неизменно обретался и второй; при виде Ван Сюаня на улице можно было не сомневаться, что где-то рядом шагает Гоудань.

И вот теперь им предстояла первая долгая разлука.

Обоим это давалось с трудом, но взрослая жизнь диктовала свои суровые правила — детские капризы пришлось отложить в сторону. Под монотонный стук вагонных колес Гоудань впервые почувствовал, насколько тоскливой и бесконечной может быть дорога. Почти весь путь он пролежал на полке с закрытыми глазами, тщетно пытаясь уснуть в надежде, что время пролетит быстрее и он наконец окажется дома.

Дорога от столицы провинции до уездного центра превратилась в сущее мучение. Повсюду велись дорожные работы, из-под колес летели тучи едкой пыли. Развороченный тракторами тракт, усыпанный валунами и зияющий глубокими колдобинами, превращал поездку на автобусе в безумную скачку. Движение шло по одной полосе, пока вторую укатывали рабочие. Изнуряющая духота, бесконечная тряска и непрерывный отборный мат закипавшего от ярости

водителя довершали картину этого ада.

Кое-как добравшись до уезда, Гоудань даже не стал устраивать привал. Перекусив на ходу наспех купленной лепешкой, он сразу пересел на пригородный рейс до родного посёлка Сяньгоу. Этот участок пути дорожники еще не успели раскопать, но разбитая грунтовка мало чем уступала уездному тракту. После недавних проливных дождей дорогу размыло, и автобус то и дело проваливался в раскисшие колеи. Гоуданя, который никогда в жизни не страдал от укусов дорожной тряски, укачало так, что к горлу подкатывал липкий ком, а забившийся в нос дорожный песок мешал дышать.

В такой глуши ровного асфальта местным жителям предстояло ждать еще бог знает сколько лет. К моменту, когда Гоудань наконец ступил на землю посёлка Сяньгоу, вид у него был краше некуда: белоснежная когда-то рубашка покрылась серыми грязными разводами, а в волосах скопилось столько песка, словно он мешки разгружал. Он брезгливо похлопал по дорожной сумке, выбивая из плотной ткани тучи пыли, увернулся от несущейся наперерез трехколесной повозки и, зажав нос, поспешил убраться с шумного перекрестка. Отойдя подальше, он долго и мучительно кашлял, пытаясь извергнуть из легких осевшую там дорожную взвесь.

— Ба, Гоудань! Никак ты, парень? Никак на побывку отпустили?

— Здравствуйте, дядя Хромой! — парень приветливо улыбнулся знакомому односельчанину. — Да, каникулы начались. А вы какими судьбами в поселке?

— Да вот, прикупил пару цзиней свиного сала, хочу смальца вытопить, — мужчина приподнял увесистый сверток. — А чего это ты один-одинешенек воротился? Где А-Сюаня потерял?

— Его наставник в городе оставил, заставил корпеть над книгами. Вот мне и пришлось одному ехать. Вы домой-то собираетесь?

— Как раз собирался выдвигаться. Пошли вместе, веселее будет.

Всю дорогу до деревни они шли бок о бок, коротая время за разговорами. Дядя Шуаньцзы без умолку расспрашивал Гоуданя о столичных делах, беззастенчиво выпытывая чужие секреты: чем там промышляет Дафу с товарищами, сколько они получают и на каких условиях устроились. Простые крестьяне не ведали о понятии личных границ и часто задавали нескромные вопросы, не замечая чужого замешательства. Гоудань отвечал уклончиво, переводя разговор на другие темы и отделяваясь общими фразами. Едва показалась околица, он вежливо распрощался и ускорил шаг, не дав навязчивому попутчику возможности продолжить допрос.

Не то чтобы Гоудань жадничал и не желал помочь землякам выбиться в люди, но в таких делах следовало соблюдать осторожность. Большинство сельских парней совершенно не годились для торговли. Брать в дело кого попало, кроме проверенных, надежных друзей, означало нажить себе лишнюю головную боль. Другой работы в столице он предложить не мог, да и сами

крестьяне пока не помышляли о заработках на чужбине, предпочитая по старинке держаться за свои скудные наделы. Старики вроде его отца, Ли Сы, дорожили каждой пядью земли и ни за что не согласились бы бросить пашню. Молодежь, может, и грезилась о лучшей доле, но безграмотность связывала их по рукам и ногам: без школьного аттестата они могли рассчитывать разве что на тяжелый чернорабочий труд. Но стоило односельчанам узнать, что Гоудань пристроил в городе двоих местных ребят, как на него посыпались просьбы пристроить и их отпрысков. Работа в самой столице — шутка ли! О таком почете в деревне и мечтать не смели.

Однако взваливать на себя чужие заботы парень не собирался. Он уже предвидел, сколько докучливых просителей постучится в его двери в ближайшие дни, и заранее содрогался от этой мысли. На душе скребли кошки, и острее всего чувствовалось отсутствие Ван Сюаня — верный друг всегда умел деликатно отвести назойливых гостей и вовремя вставить нужное слово, сглаживая неловкие углы.

— Отец, я дома! — громко позвал Гоудань, перешагнув порог родного двора.

Ли Сы в этот момент латал прохудившуюся крышу загона для своей любимой буренки. Услышав знакомый голос, он сначала решил, что ему почудилось от жары, но уже в следующее мгновение перед ним предстал сияющий широкой улыбкой сын.

— Ох, сынок! Неужто вернулся? — Ли Сы от удивления чуть молоток из рук не выронил.

Раньше ребята никогда не торопились домой с наступлением каникул, пропадая где-то по своим загадочным городским делам. На расспросы старик получал лишь невнятные отговорки. Он и в этот раз думал, что сына придется ждать до середины лета, но тот объявился точно в срок.

О начале каникул старик узнал только потому, что соседский паренек Цичжи уже воротился в деревню, да местная детвора целыми днями без дела болталась на улице. Гоудань припозднился всего на несколько дней. В прошлые годы его было не дозваться — приезжал на недельку перед самой осенью, а потом снова уезжал на учебу.

— Да брось ты это, брось! — засуетился отец, отбирая у потянувшегося за работой сына охапку сухой осоки. — Я сам управиться смогу. Береги ладони, не ровен час порежешься!

Для Ли Сы пальцы сына, привыкшие держать авторучку, были сокровищем. Разве можно позволять ему гробить кожу на тяжелой крестьянской работе, в которой сам старик давно набил руку?

Гоудань лишь мягко улыбнулся и послушно отпустил жесткие стебли. Края у дикого мискантуса и впрямь были острыми, словно бритва: одно неосторожное движение — и глубокий порез обеспечен, а мелкие колющие ворсинки на стеблях вызвали нестерпимый зуд и раздражение. Зато для починки кровли лучшего материала во всей округе было не сыскать.

<http://bllate.org/book/19654/1996820>